

НЕКОТОРЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЕННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

И. ЖАРКИХ

Факт интенсивного распространения в языке нашего времени очень разнообразных по своей структуре именных построений вызывает необходимость, на наш взгляд, детального их изучения, при этом особого внимания заслуживает экспрессивный синтаксис словосочетаний „говоримой речи“. Рост именных структур — развивающееся явление современного русского языка¹.

На уровне именных словосочетаний нами проанализирован материал киносценариев, драматургических произведений, художественной прозы, отражающий особенности русской речи второй половины XX в.

В результате наблюдений выявился ряд характерных структурных особенностей именных словосочетаний, обусловленных различными факторами функционирования их в речи.

Мы остановимся только на некоторых структурных особенностях именных словосочетаний современного русского языка.

1. Особый порядок слов. 2. Экономия языковых средств. 3. Парцеллированные конструкции.

1. Особое „словорасположение как наиболее устойчивый и релевантный признак“ непринужденной и эмоциональной разговорной речи отмечается многими исследователями².

— Он разве на южный курорт путевку брал (Штейн). — На чью фамилию паспорт? (Штейн). — Чаю щепотки нет — заварить (В. Панова). — Нет!

¹ Н. Ю. Шведова. О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе. ВЯ, № 2, 1964. О. А. Лаптева. Изучение русской разговорной речи в отечественном языкознании последних лет. ВЯ, № 1, 1967. В. П. Сухотин. К вопросу о словосочетании в его отношении к слову и фразеологическому единству. Уч. зап. МОПИ, т. 160, вып. II, М., 1966. Н. И. Филичева. Словосочетание и его специфика. Вестник МГУ, сер. VII, филология и журналистика, № 4, 1964. Н. Я. Сердобинцев. Функционирование словосочетаний в речи. Русская разговорная речь. Изд. Саратовского университета, 1970.

² И. И. Ковтунова. Порядок слов в русском литературном языке XVIII—XIX вв. М., 1969, Гл. принципы словорасположения в совр. рус. лит. яз.

не будет! До конца дней урок! (В. Панова). — Ну, что ж, годы позволяют, в мозгах, ха-ха, недостачи нет (В. Панова). — Я по натуре бобыль (Радзинский). — И знакомых рож до черта! (Штейн).

Эмфатическая инверсия, как средство экспрессивной выразительности, часто сопровождается:

1) расчлененностью конструкций³:

— Ну, актов он насоставлял тыщу (Радзинский). — А нашей любимой настойке мы с тобой опосля вечером, пробу сделаем (Ю. Черецкий). — Врачи за мной бегали с высшим образованием и в чинах, стихи мне писали (Аксенов). — Нервы сейчас у всех... немножко не в порядке (Штейн). — А Гришка подонок оказался первой марки (В. Панова). — В шкафу шуба висит в рассрочку (Снегирев). — Шабина Агния здесь с Александром (Розов).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в сфере именных словосочетаний прием дислокации компонентов словосочетания рождает определенную стилистическую окраску, отличную от стилистически нейтральной формы словорасположения книжного литературного языка.

Ср. — Сыпанули ему на рану соли с килограмм (книжн.).

— Соли ему на рану с килограмм сыпанули (Штейн) (экспресс.-разговор.).

2) наличием модальных модификаторов:

— Лет так десять назад (Гранин). — Парень примерно Юриного возраста (С. Герасимов). — Писатель куда меньшего калибра (Гранин). — Полк далеко не полного состава (Слепухин). — Здесь не проходил человек вот в такой шляпе? (Гайдай). — Ты делал заявку вот по этим письмам? (С. Герасимов). — Юноша явно спортивного склада. Свитер куда лучшего качества (из услышанного). — Летний костюм несколько необычного покроя. — Я говорю: дай мне полкило мяса, только без костей — заторопилась Тимченко (Юн. 5, 1969).

3) паузальностью:

— Вот здесь, Фокин, напишешь заявление... по собственному желанию — продолжал голос Черноусова (М. Хуциев). — Послушай... С этим письмом... ерунда же (Б. Ласкин). — Увезу с собой на память... о проводах белых ночей (В. Панова). — Извещение... о расторжении брака... Получил да

³ Именное построение в разговорной речи расчленяется конструкциями у меня, у тебя, у нас, у вас и т.д.

— С Дымниковым у меня шапочное знакомство (Штейн). — С отцом у нас договор о взаимопомощи (Демиденко). — Любовь у нас с твоей матерью, Илюшка, такой была... (Штейн). — На курсе у нас народ был (Арбузов). — В Ленинграде у нас погода слякотная... (из услышанного). — Дел у меня чертова пропасть (из услышанного). — Ума у тебя, Гриша, палата, а дури Саратовская степь (Аксенов).

(Штейн). — Я вам не делал предложения... руки и сердца (В. Панова).

4) и специальными эмоционально-экспрессивными средствами, как повторы: — У них у всех одна отметка — пять с крестом... (Розов) и т. п.

Собранный материал подтверждает, что... „если компонент словосочетания становится акцентуемым, то он выносится на первое место“⁴, но это касается существительных.

А актуализация прилагательного в именных словосочетаниях осуществляется при помощи его постпозиции.

— Матери бы кровать новую, никелированную с сеткой и одеяло атласное (Розов). — Но риск-то дерьмовый по сравнению с катапультированием на большой высоте (Аксенов). — Для матери нет разницы между ребенком уродливым и прелестным. За дом, Андрюха, и за юность, и за силу твою неумную в искусстве (Чепурин).

Итак, определенная стилистическая окраска высказывания на уровне словосочетания (мы имеем в виду большую силу выразительности по сравнению с нейтральным вариантом) достигается при помощи инверсии компонентов словосочетания.

2. В непринужденной разговорной речи мы пользуемся самыми разнообразными, но более экономными синтаксическими построениями, чем в книжной речи, вероятно, в силу экстралингвистических условий ее функционирования (нам помогают жесты, мимика, особая интонация, моменты ситуации и т.д.).

Более экономна, а следовательно и более употребительна в разговорной речи конструкция, которая более проста синтаксически. Опираясь на закон наименьшего усилия, выдвинутый А. Мартине,⁵ исследователи данной проблемы выявляют различные типы экономии.

В исследованном нами материале обнаружены:

1) самостоятельно употребляемые эллиптические структуры с нулевым главным словом словосочетания, с нулевым зависимым словом словосочетания (обычно в диалоге), которые функционируют в языке наряду с полными синтаксическими структурами. Отсутствие того или иного члена построения в эллиптических структурах создает легкость, непринужденность, иногда даже с некоторым оттенком фамильярности или иронии.

— У тебя есть по две копейки? (М. Хуцнев). — Серая у нее в чистке (Радзинский). — Семьсот новыми! (З. Богуславская). — Нас две молодые

⁴ И. И. Ковтунова. Порядок слов в русском литературном языке XVIII–XIX вв. М., 1969, Гл. принципы словорасположения в совр. рус. лит. яз.

⁵ А. Мартине. Основы общей лингвистики. Сб. „Новое в лингвистике“, вып. III, 1969, стр. 593.

интересные ждут! (М. Хуциев). — **Что строгий в приказе?** (Григорьев). — Когда в „Вечерке“ было объявление о **моей защите кандидатской**, она все-таки прислала поздравительную (Ю. Бондарев). — **Спойте еще. Эту про „понедельники-вторники“**, Алик (М. Хуциев). — **В двенадцать по московскому!** Отложите мне **серые без шва** (из услышанного). — Ну, тогда **рюмочку красного!** (М. Хуциев).

Нам думается, что разговорно-эллиптический характер приведенных словосочетаний не вызывает сомнений. Отсутствие того или иного строевого компонента ясно из конституции.

2) усеченные структуры с опущенным членом, но полным смыслом. А. Х. Востоков в „Русской грамматике“ указывал на наличие в русском языке явления „синтаксического сжатия составных частей словосочетания“⁶. В. В. Виноградов также отмечал эту тенденцию к синтаксическому сжатию составных обозначений словосочетаний.

Примерами семантического сжатия, или стяжения (в иной терминологии — семантической конденсации, или компрессии), могут служить такие словосочетания, как:

— **Лекции по распространению. — Курсы по повышению** (фильм „Старый знакомый“). — В наше время нельзя быть полезным, не повышая **уровень** (В. Панова). — **Учеба без отрыва** разумеется (Я. Ильичев). — **Всегда при исполнении!** (там же). — У меня вон **люди из ящиков** еще не устроены (Аксенов).

Следовательно, в речи сохраняется та частичная информация, которая важна для говорящего. В составе именных построений в обиходной речи часто употребляются усеченные формы типа:

газировка, олимпийка, нейлоновая стеганка, неотложка, безопаска, зачетка, забегаловка, лучевка и др.

— Как, никак, **две газировки!** (Арбузов).

— Я уволился, завтра получаю расчет — **одолжи трешку** (В. Панова). — **Лучевку ради научных принципов** на моей памяти никто не получал (Радзинский).

3) распавшиеся сочетания, для которых характерно вытеснение „свободными“, не управляемыми и не согласуемыми конструкциями связанных, несвободных конструкций.

— **Белье мужское шелковое, две пары** (Е. Снегирев).

Ср. Две пары мужского шелкового белья.

⁶ А. Х. Востоков. Русская грамматика. СПб, 1835, стр. 276

— **Пять километров, кросс** (Е. Григорьев). — Мне дали отгул за праздники, три дня (А. Арбузов). — Решил приобрести автомашину „Москвич” **Новая модель** (Гайдай). — Стал различать на отмени **белую тушу и коричневую шерсть** на ней (Малюгин)... — **Может, ее делают взрослее губы,** вернее **твердая складка их** (М. Хуциев).

Тенденция склеивания слов в их исходной форме свойственна разговорной речи, она-то и оказывает влияние на книжную, письменную речь.

4) аналитические конструкции, в которых зависимый компонент словосочетания примыкает к главному слову в своей начальной форме. Мы не будем касаться аналитических конструкций типа „Проблема № 1”, т.к., ... в наши дни полностью победил именительный падеж количественного числительного в постпозитивном употреблении”⁷. Скажем лишь, что в последнее время язык стремительно пополняется новыми словами, выражениями, которые становятся речевыми штампами, проникая во все сферы речи:

цвет маренго, костюм джерси, танец липси, платье миди, пальто макси, туалет монокини, мини-бикини-69, облик хиппи и т.д.

— Ты что же, мать, стала **цвета маренго?** (Радзинский). — **Функция дельта-джи** (Радзинский). — **Характер,** спрашиваю у нее, что ли **экстра,** или **душа?** (Радзинский). — **Директор не „комильфо”,** а ведь Прибалтика (Юн. 12, 1970 г.) — О, **идея гранд** (из услышанного).

Резюмируя изложенное, приведем слова академика Л. В. Щербы: „Изменения в языке куются и накапливаются в кузнице разговорной речи”⁸.

3. Парцеллированные конструкции.

Ассоциативное присоединение как явление речевого синтаксиса отмечено русскими грамматистами (по сравнению, например, с западноевропейскими) сравнительно давно⁹. Большинство исследователей приняли предложенное академиком Л. В. Щербой психологическое обоснование природы присоединения, согласно которому с помощью этой связи прикрепляются добавочные сообщения, не имевшиеся первоначально в виду, а возникшие неожиданно в сознании говорящего и реализуемые в речи в качестве добавлений.

Таким образом, присоединительные конструкции отражают последовательность возникновения понятий в сознании говорящего или желание говорящего уточнить, конкретизировать предыдущее сообщение, дополнить сказанное новыми подробностями в целях более полной речевой информации.

⁷ Н. Я. Янко-Триницкая. Проблема номер один. Сб.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.

⁸ Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. Учпедгиз, 1957, стр. 116.

⁹ Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке, 1928.

В научной литературе отмечается, что сложное целое с присоединительной связью — принадлежность непринужденной речи.

— Кадр, действительно, редкий. *И снятый удачно* (из газет). — Это неизменно вызывает мое восхищение. *И, не скрою — зависть* (из газет). — А он городским комсомольцам какие-то эти... как уж их? *Коттеджи какие-то начал строить* (Чепурин).

Можно вполне согласиться с мнением Н. Ю. Шведовой, что „присоединение, будучи нормой „говоримой речи“, все в большей и большей степени ассимилируется письменной речью“¹⁰.

Мы пользуемся термином „парцелляция“ — „прием экспрессивного синтаксиса письменного литературного языка, существо которого состоит в расчленении синтаксически связанного текста на интонационно обособленные отрезки, отделяемые знаком точки“¹¹, т.к. термин „присоединение“ в современной лингвистической литературе перестал быть однозначным.

Парцеллированные конструкции (они отличаются чрезвычайным разнообразием структуры) широко изучаются¹², но интересующие нас парцеллированные конструкции на уровне именных словосочетаний, где главное слово — имя существительное, а присоединенная синтагма — все, что может быть отнесено к этому имени, пока вне поля изучения.

Парцеллированные именные конструкции оформляются как словосочетания по нормам управления, согласования и примыкания в структуре диалога, в прямой речи. Словосочетание разбивается на две или несколько частей. К первой, грамматически и по смыслу независимой части, присоединяется компонент словосочетания, который может представлять собой интонационно обособленную синтагму со значением уточнения или дополнения.

Таким образом, присоединения логически, экспрессивно и интонационно выделяются.

„Парцеллированная конструкция делится на базовую структуру и парцеллят, всегда постпозитивный (парцелляттов может быть два и больше)“¹³.

— Мимо проходил **парень, Витиного возраста. Озабоченный** (Е. Григорьев). — И завтра у меня **вступительный экзамен в консерватории. Са-**

¹⁰ Н. Ю. Шведова. О некоторых активных процессах... ВЯ, № 2, 1964. Русский яз. и советское общество. Социолого-лингвистич. исследование.

¹¹ Морфология и синтаксис сов. рус. литер. яз. Изд. „Наука“, М., 1969, стр. 279.

¹² Ю. В. Ванников. Синтаксические особенности русской речи (явление парцелляции). М., 1969, УДН.

¹³ Русский яз. и советское общество. Социолого-лингвистич. исследование. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. Изд. „Наука“, М., 1969, стр. 279.

мый главный, по композиции (Рекемчук)... – Ничего не имело смысла. Только боль. Около самого сердца (Богуславская). – И конечно, две бутылки пива. Антарктического холода (Ю. Бондарев). – Это очень красивая черга. У женщины особенно (В. Панова). – Лицо, заревом, а на груди полукружем янтари. Из незрелых, желтобоких ягод шиповника (Лихоносов). – Нинка сделала себе новое пальто. Макси! (из услышанного).

Парцеллированные конструкции могут передавать гамму значений, начиная с нейтрального добавления, уточнения, резюмирования ранее сказанного, до эмоционально окрашенных субъективных оценок, эмфатического подчеркивания черт внешности, характера и т.д.

Парцеллированные конструкции оживляют литературный язык, делают речь героев красочной, заставляют звучать.

– А если я вам дам театр? А? На тысячу двести мест? (Штейн). – Подари на прощание мне билет... протяжно сказал Забавин. – На поезд куда-нибудь (Ю. Казаков). – Красный меценат, слышали диалог? Шекспировской силы (Штейн).

С точки зрения семантико-синтаксических отношений парцеллированная конструкция конкретизирует и раскрывает содержание главного компонента именного словосочетания.

– Двойки есть? – Одна маленькая двоечка. По арифметике (Штейн). – Чего кто? Гардеробы. Полированные и с зеркалом, по девяносто семь (Ю. Семенов). – Все решил разговор с Лидочкой. Лидочкой по прозвищу „Что дают“ (Богуславская). – Значит, сначала я понесла кастрюлю варенца и бидончик молока. По сорок стаканов, Женя – это сколько будет? (В. Лихоносов).

Парцеллированные конструкции всегда следуют после точки (или !?); зачеркнуть точку, поставить запятую нельзя – это будет нарушением общей структуры высказывания: с помощью „паузы точки“ достигается большая доходчивость и большая эмоциональная насыщенность информации.

Сравним два примера:

1. Сахар горит – дым фиолетовый, с бирюзой (Штейн).
2. Еще в этой компании была одна девчонка. Рыженькая такая. С конским хвостом (Рекемчук).

В словосочетании „дым фиолетовый, с бирюзой“ экспрессивно выделяется, актуализируется согласованное определение – прилагательное, поэтому оно занимает постпозитивное положение по отношению к определяемому слову. Чередование согласованного и несогласованного определений, вносящих дополнительный оттенок значения (дым фиолетовый, с бирюзой или бирюзово-фиолетовый дым), оформляется через запятую.

Во втором примере мы имеем дело с уточнением, дополнительными деталями; пояснением к ранее сказанному. Например, у Рекемчука:

девчонка. Описание ее внешности у автора возникает постепенно. *Рыженькая такая.* Добавляется следующая, более характерная деталь. *С конским хвостом.*

Так текст отражает рождение парцеллированных конструкций как постепенное нарастание деталей.

Рассмотренные нами близкие по структуре, но отличающиеся друг от друга наличием или отсутствием парцелляции построения можно противопоставить как конструкции с экспрессивным расчленением и конструкции без такого расчленения.

Рассмотрим некоторые значения и особенности структуры парцеллированных именных конструкций.

1) В парцеллированных конструкциях парцелляты раскрывают содержание первой, грамматически и по смыслу независимой части высказывания.

— Из жизни неумолимо уходит **протяженность.** *Длительность чувства, устойчивость дружбы и верность женщины* (Богуславская). — В приемной толпились **претендентки.** *Еще человек пятнадцать. Блондинок, сероглазых, замужних, одиноких. На любой вкус* (Богуславская).

2) Парцеллированные конструкции могут нанизываться и каждый раз выражают новое пояснение, добавление; экспрессия нагнетается. Если же поставить между ними запятую, то уничтожится экспрессивный характер высказывания.

— Ну да, вам надо было показать **характер.** *Волю. Моряка. Мужчины* (Штейн). — У тебя **уши** очень **маленькие.** *И розовые. С веснушками* (Штейн). — Осторожно, вкрадчиво, у нее в голове шевельнулась мысль **о самоубийстве.** *О покое. О мире. Об освобождении* (Слепухин). — Я получаю **сотни писем.** *Деловых и любовных. В стихах и в прозе* (М. Сторожева). — Нет, почему ж! **Русский.** *Из гурьевских рыбаков. Из-под Астрахани* (Чепурин). Да, **наша помощь без денег!** — **замахал** я руками. — Так! **Тренировки для.** *И время препровождения* (Тарасов).

3) По своему значению парцеллированные конструкции — это эмоционально окрашенные субъективные оценки, эмфатическое подчеркивание черт внешности, характера, явления, события и т.д.

— **Тишайший маменькин сынок.** *Из будущих гениев* (Радзинский). — Дай ей бокал. **Это зритель.** *С большой буквы* (Штейн). — Но **странный способ проверки.** *Какой-то примитивный* (Тарасов). — Это — надежда. Это —

выход. *Единственно возможный из создавшегося чудовищного положения* (Штейн). — **Погодка,** — сказал Сергей вслух. *Прямо по заказу* (М. Хуциев).

4) В структурном отношении для парцеллированных именных конструкций характерны: инверсия, расчлененность, эллиптичность, распад словосочетания; следовательно, парцелляция активно взаимодействует с другими средствами экспрессивного синтаксиса.

Парцеллят может находиться в непосредственном соседстве с главным компонентом словосочетания, а может занимать дистантную позицию, например:

— **Сыновей** у меня было **семь душ**. И вы понимаете, что среди них были и есть — всякие. Получше и похуже. *И с премиями и с взысканиями* (В. Панова). — **И дом** поставлю **такой**, каких еще в этой деревне не было. *С паровым отоплением* (М. Сторожева). — Это тебе. **Мед.** Васена прислала. *Свежий, майский, с сотами* (М. Сторожева). — Я хочу выпить за картошку — повторил Сергей. — **А тост** вы про нее сказать не хотите? *В стихах* (М. Хуциев). — Ну, **баба!** Я поразился. Ведь уж *не первой молодости* и нельзя сказать, чтоб так уж наружностью... (В. Панова). — Нет желания **три года** схватить. На сей раз — **законных**. *По уголовной статье* — за порчу гостиничной архитектуры (Штейн).

Именное словосочетание „**три законных года по [уголовной статье]**“ в устном высказывании разъединено на три части: этим достигается, на наш взгляд, семантическая разгрузка и интонационное упрощение фразы. Говорящий расчленяет единое целое на части, а слушающий — соединяет их, восстанавливая разбитое единство. Так в явлении парцелляции слиты противоположные позиции говорящего и слушающего.

Парцеллированные конструкции могут быть эллиптическими, которые возникают в речи благодаря стремлению устранить из речи все лишнее, без чего можно обойтись.

— Только **пустой** у тебя **номер**. *И с икрой и без* (Богуславская). — На ладони у Володи лежит **вороненый пистолет**. — Как говорится, *на всякий пожарный* (Гайдай). — **Зинку Рыжову** знаешь? — *С часового?* (М. Хуциев). — С новой ходит. **Такая рыжая, длинная**. *Из „писчебумажного?“ Клавочка?* (Е. Григорьев).

Парцеллированные конструкции могут представлять собой распавшиеся словосочетания, в чем проявляется своеобразная тенденция к расчленению высказывания:

— А я тут недавно в „Динамо“ такие **лыжи** видел! — *Горные, из красной пластмассы*. На них что хочешь делать можно. *Высший класс* (М. Хуциев).

Ср. Горные лыжи из красной пластмассы высшего класса.

— Нелепость, безумие — так играть своей жизнью, когда конец завид-
нелся! — Какой конец? **Воине конец?** Когда ей конец, по-вашему? — Ну,
может, *полгода еще, от силы год* (В. Панова).

Словосочетание „**Воине конец через полгода, от силы через год**“, принад-
лежащее двум участникам диалога, разбито парцелляцией.

В приведенных нами ниже примерах явление парцелляции осложняется
разрывом словосочетания с включением отдельных слов или коротких речевых
отрезков между компонентами словосочетания:

— Я родился на рубеже столетий! Я ровесник века. Решаю **проблемы
долголетия**. А может, и *бессмертия!* (Малюгин). — **Подарок любимой.**
Даже точнее — *эксклюзивной* (Радзинский). — А кто у тебя был **руково-
дителем?** *Шапвалов*, не так ли? Я понимаю, *из тактических сообра-
жений* (Семенов). — И этот... **Чижев**. Он что — *из отдела кадров?* (Штейн).

— К вечеру опять приехал **шофер**. И уже *с подарками* (Лихоносов). —
Даровать ей **ваш портрет**. Быть может, *с собственной надписью* (Тур). —
А **мое положение перед Сережей, перед моим дядей?** Да просто *перед
людьми* (Слепухин).

Итак, парцеллят вводятся специальными словами со значением уси-
ления, уточнения, модальности.

Парцеллированные конструкции широко употребляются в диалоге.
Мысль, высказывание одного из собеседников подхватывается вторым, допол-
няется, уточняется. Обычно парцеллированные конструкции в диалоге имеют
экспрессивную окраску: это или восклицание — утверждение, или вопрос
(иногда переспрос), или согласие, несогласие с высказыванием собеседника,
возражение и т. д.

— Обожди минуту — я напишу **коротенькое письмо**. *Самой очарователь-
ной женщине Франции?* (Малюгин). — А у нас **молодежь** — загляденье. Ха-
рактеры, повадки, конечно, тоже вытерпеть надо, но умны, бестии, талант-
ливы. — С **этаким чувством самосознания** (Розов). — Сегодня — воскре-
сенье, они в Семиреченске в театр пойдут. В кино. **В ресторан**. — Ну это —
на худой конец (Ю. Чепурич). — А ты мне **друг?** — Эх, ты! — укоризнен-
но качает головой Коля. *На жизнь и на !смерть* (Е. Григорьев). — Это **моя
подкова**. — Где вы ее нашли? Это *на счастье!* — обрадовалась жена Шапова-
лова (М. Хуциев). — Речь идет о **моей племяннице**. — *Об этой девочке.*
Георгия Федоровича дочке? — Девочке, да (В. Панова). — Я буду писать
тебе **письма**. — *Большие, подробные письма обо всем на свете, каждый день*
(С. Герасимов).

— Странное ощущение парализованности. — Пассивности. — *Какого-то незаконного отпуска* (В. Панова). — Как дела за отчетный период? — **В трудах**, — отвечал Володя. — *Для денег? Для души?* (М. Хуциев). — Я верю в бессмертие. — *Твоих трудов или души?* — *Хотя бы тела* (Розов). — Какая миссис **Стейнфорд**? — *Из Америки. Нашенская*. К тетке Матрене приехала. Во баба! (Ю. Чепурин).

Так как особенность структурной организации диалогической речи состоит из реплик и репликовых комплексов, то повторяющиеся структуры, скрепляя реплики, побуждают собеседника к дополнительному, более точному высказыванию.

— Чем ты меня поишь! — Чем? **Микстурой**? — Какой микстурой? — *От гриппа?* — От какого гриппа? — *Вирусного* (Штейн).

— Словосочетание „микстура от вирусного гриппа“ в диалоге представлено в виде повторяющихся реплик, которые „заставляют“ собеседника вносить все новые уточнения — определения к главному слову, несущему основную смысловую нагрузку, раскрывая его содержание.

— Что вы там глупости-то молили? **Шорох на флоте**. Какой шорох? Откуда? Чей? *Плохих людей?* (Штейн). — **Положительный герой**. Очень положительный герой. *Из листовок политотдела* (Штейн). — **Кошелки**... — Что кошелки? — *Из прутиков... Корзины разные* (Ежов). — А это — **Патриоты**. — Какие патриоты? — *А комсомольцы...* *Из города* (Чепурин).

Итак, парцелированные конструкции являются отражением живой разговорной речи, в которой они и родились. Для них характерна интонация заверщенного экспрессивного высказывания. „Основной функцией парцелляции является функция экспрессивного выделения той или иной части высказывания“¹⁴.

Парцеллятом могут быть определение (согласованное или несогласованное), беспредложная или предложная форма косвенного падежа имени существительного с объектным или обстоятельственным значением. Парцеллят может вводиться специальными словами типа **даже, уже, точнее, может** и т. д. и целыми речевыми отрезками.

„Наплыв“ парцелированных построений в современном русском языке свидетельствует о действующей в нашем языке тенденции к расчлененной подаче высказывания.

Парцелированные конструкции — частный случай оформления сверхфразового единства, развивающееся явление русского языка наших дней.

¹⁴ Русский яз. и советское общество. Социолого-лингв. исследование. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка, гл. IV. Изд. „Наука“, М., 1968.

Современные прозаики, драматурги, киносценаристы. (Эд. Радзинский, А. и П. Тур, А. Штейн, В. Панова, В. Розов, Рекемчук, Ю. Бондарев, Д. Гранин, М. Хуциев и др.) часто используют парцеллированные конструкции как один из способов передачи живой разговорной речи.

Методом сплошного анализа исследовались следующие произведения: Вас. Аксенов. Рассказы. На полпути к луне, 1964.

А. Арбузов. Таня. Иркутская история (драмы). Шестеро любимых (комедия).

С. Герасимов. Журналист (сценарий), 1965. У озера (сценарий), 1968.

А. Гребнев, М. Хуциев. Июльский дождь (сценарий), 1966.

Е. Григорьев. Три дня Виктора Чернышева (сценарий), 1967.

В. Ежов. Соловиная ночь (драма), 1968.

Я. Костюковский, М. Слободской, Л. Гайдай. Бриллиантовая рука (сценарий), 1968.

Л. Малюгин. Три повести для театра, 1968.

В. Панова. Поговорим о странностях любви (пьесы). Проводы белых ночей. Еще не вечер. Сколько лет, сколько зим! (пьесы), 1968.

В. Розов. Традиционный сбор (пьеса), 1967.

Эд. Радзинский. 104 страницы про любовь. Снимается кино (пьесы), 1964.

Капитан Солнцев (рассказ), 1969.

А. Софронов. Не верьте мужчинам (комедия), 1969.

А. и П. Тур. Чрезвычайный посол (драма), 1968.

М. Хуциев, Г. Шпаликов. Мне двадцать лет (сценарий), 1961.

Ю. Чепурин. Мое сердце с тобой (драма), 1969.

А. Штейн. Океан. Персональное дело. Гостиница „Астория“ (драмы). Аплодисменты (пьеса), 1967.

Выборочно привлекались примеры из произведений последних лет: З. Богуславской, Ю. Бондарева, Д. Гранина, М. Демиденко, Ю. Казакова, В. Лихоносова, Рекемчука, Ю. Семенова, Ю. Слепухина, Е. Снегирева и др.

SOME STRUCTURAL PECULIARITIES OF NOUN CONSTRUCTIONS IN MODERN RUSSIAN

I. ZHARKYKH

Summary

The above analysed material gives us an opportunity to make the following conclusion.

From our point of view, the structure of the noun constructions in colloquial speech depends on the type of communication: on its being a dialogue, on emotionality, on spontaneity.

It must be also added that the active processes of modern syntax are particularly reflected in the structure of noun constructions.

It seems that a detailed structure analysis of the noun constructions will be very useful for a Practical Course of the Russian Language.